

УДК 316: 338: 1

И. А. Симонова, А. Г. Оболенская

Уральский государственный педагогический университет

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ОТ ПРИЗНАНИЯ ВИНЫ К РЫНКУ¹

Приведен социально-философский анализ исторической ответственности как динамичного социального отношения, непременно обладающего экономической сущностью. На основе идей Ж. Деррида и М. Мосса, установлено, что, поскольку ответственность всегда предполагает признание вины и принятие обязательств, ожидаемых жертвой, это отношение не сугубо этическое, оно изначально обладает экономической природой. На уровне, когда субъекты ответственности еще недостаточно оформились, т. е. у них еще отсутствует единство воли и правовой статус, экономия строится на этических основаниях, признание вины принимается как самостоятельная и наиболее важная ценность, финансовый аспект не имеет лидирующего значения. В ходе политизации субъектов исторической ответственности она обретает юридическую силу и начинает работать по законам современного рынка. Выделены такие ее рыночные особенности, как использование инвестиционного потенциала компенсационных выплат, ориентация на маркетинговую стратегию государства, презумпция поддержки слабого экономического субъекта, экономическая оценка ущерба, наличие почвы для совершения финансовых преступлений. Поставлен вопрос об уместности рыночного подхода к исторической ответственности.

Историческая ответственность, экономия исторической ответственности, философия экономики, историческая вина, исторический долг, качество жизни, жертвы Холокоста

В мае 2016 г. интернет-ресурс «Гефтер» опубликовал статью А. Самохоткина, где публицист, размышляя на тему исторической вины и ответственности, выдвигает тезис: «Историческая вина не подразумевает коллективную ответственность (в этом некорректном, прямолинейном прочтении и состояла ошибка Ханны Арендт), потому что ответственность действительно всегда может быть только личной. Сам факт выплаты каких бы то ни было компенсаций, еще не говорит об ответственности, поскольку эти компенсации выплачивает безличное государство, в то время как ответственность познается на скамье подсудимых» [1]. Высказывание автора дает богатую пищу для размышлений, поскольку здесь он затрагивает два важнейших аспекта проблемы: во-первых, касается вопроса индивидуальности/коллективности субъекта исторической ответственности, во-вторых, апеллирует к акту реализации ответственности как наказанию, а не «отдаванию долга», и отрицает значение финансовой составляющей в этом процессе, таким образом обнаруживая вопрос экономико-правового статуса исторической ответственности. Отдавая должное важности затронутых аспектов, хочется как выразить несогласие с несколько наивной позицией автора, так и отметить, что спорный характер высказанного им тезиса подчеркивает потребность в системном рассмотрении обозначенных аспектов при анализе феномена исторической ответственности.

---

¹Исследование выполнено при поддержке совета по грантам президента РФ (МК-5814.2015.6) «Феномен исторической ответственности в современном общественном сознании».

Прежде всего следует сделать несколько принципиальных уточнений, связанных с содержанием центрального понятия предлагаемой статьи. Во-первых, историческая ответственность должна пониматься не как «отношение к» событию прошлого и его последствиям (тут речь шла бы о памяти), но как «отношение с», т. е. именно в качестве социального отношения, возникающего между людьми разных поколений по поводу события, при этом участники обретают новую идентичность через вхождение в сообщество отвечающих или требующих ответа. Ответственность именно как предоставление некоторого ответа, реакции, т. е. как акт деятельности, коммуникации сама по себе предполагает активность участников сообщества в признании общей интенции деятельности, высвечивает ее смыслы и перспективы, определяет инструменты осуществления. Важно, что в условиях взаимодействия вокруг события, имеющего социально-значимые последствия в настоящем, выявляются не только ответствующие, но и вопрошающие – те, перед кем предстоит отвечать. В таком единственно возможном понимании исторической ответственности и должно рассматривать ее как социальное явление. Следовательно, можно констатировать общественный, а не индивидуальный характер феномена исторической ответственности.

Второе положение касается связи между уровнем организованности субъектов исторической ответственности и характером экономических и правовых отношений, которые могут между ними складываться. По мысли Г. В. Плеханова, общность сама по себе является непосредственным выражением экономических отношений [2, с. 664]. Фактически можно говорить, что всякая общность подразумевает некоторые отношения экономии. В событии с другими люди удовлетворяют свои потребности, и здесь следует, очевидно, отметить, что общности, возникающие на почве отношений исторической ответственности, не являются исключением. Так, исследователь А. М. Ямпольская, анализируя философские идеи Ж. Деррида, отмечает, что «настаивая на абсолютной чистоте дара, Деррида апеллирует к традиции, требующей, чтобы дар прощения оставался вне экономики и вне любой обусловленности» [3, с. 10]. Говоря о прощении, Деррида постулирует невозможность какой-либо экономии в отношениях прощающего и прощаемого, будь то обмен, искупление (компенсация), плата за услугу [4]. Рассматривая проблему в контексте этой идеи, можно отметить неотвратимость изначальной экономической сущности исторической ответственности: как только устанавливаются отношения ответственности, это означает оформление суверенов и постулирование отношений задолженности одних перед другими. Принимая на себя ответственность, виновный признает вину, которая уже артикулирована жертвой, в то же время жертва ожидает признания вины обидчиком и считает его обязанным признать и искупить содеянное. Иными словами, одно сообщество утверждает факт наличия долга и требования его компенсации, другое сообщество признает долг и обязанность его возврата. Статус виктимности циркулирует внутри сообщества ответствующих и принимающих ответ поначалу как самостоятельная ценность: наибольшую важность имеет здесь не финансовая часть, а само признание вины и факт «устыженности», раскаяния по поводу содеянного. Здесь важны отдаваемые эмоции, символическое воздаяние моральной задолженности, когда раскаяние ценится как возмещение отчужденных благ. Происходит экономия эмоции, когда чувство стыда, сожаления отдается как плата, и именно это становится предметом оборота. Интересно, что при этом возникают любопытные связи с такими архаическими принципами экономии, описанными М. Моссом, как обязанности давать, получать и возмещать, но, однако, не для накопления благ, а для реорга-

низации, изменения характера отношений между возникающими общностями [5]. Следует отметить, что такой подход к делу может наблюдаться, когда субъекты отношений еще синкретны и образуют своего рода жидкие тождества, которые не носят статуса институции, не имеют ясной политической воли и, что важно, юридического статуса. Фактически можно говорить, что такой субъект еще не политизирован¹. И только с политизацией субъекта, когда происходит уточнение его границ, институционализация и юридическое закрепление, начинается разговор об экономических отношениях рыночного характера, которые подразумевают финансовые операции. Возникает своего рода эквиваленция: ответственный возлагает на себя бремя непосредственного сохранения ресурсов или компенсации (возмещения) потерянных ресурсов пострадавшей стороне. Сделаем важный вывод: экономическое измерение исторической ответственности как раз следует за ее политизацией, т. е. за выкристаллизацией субъекта и ясности его воли.

Отдельно следует уточнить ситуацию с изменением статуса исторической ответственности с точки зрения права: следствием политизации субъектов (и изменения их правового статуса) становится ее распространение за пределы зоны сугубо моральной социальной ответственности и выходит в поле юридической ответственности. По мысли Т. Л. О. Кязимова, который ссылается на работы В. М. Баранова, юридическая ответственность должна быть определена как особое политико-правовое состояние. Подчеркнем здесь глубокое философское значение такого подхода: именно «состояние», выступающее как принципиальный признак юридической ответственности, должно быть понято применительно к исторической ответственности как состояние, как принципиальная позиционная определенность проясненных субъектов ответственности в отношении друг с другом. Существует традиция разделения юридической ответственности на позитивную и ретроспективную: «Под ответственностью в позитивном ее аспекте обычно в юридической науке понимается осознание личностью своего правового долга перед обществом и отдельными людьми или теми или иными коллективными (общественными) образованиями. Ретроспективной (негативной) юридической ответственностью называют ответственность за деяние, совершенное в прошлом» [6, с. 99]. Такое разделение, к слову, широко критикуемое многими юристами как имеющее не правовые, но философские основания, что как раз представляет интерес для нашего анализа, поскольку позволяет констатировать, что историческая ответственность – это не только последствие в виде наказания за совершенные ошибки, но и актуальное осознание долга перед общественными субъектами значимого прошлого. Следовательно, речь идет и о морально-нравственной составляющей, а не только о нормативной. Многие исследователи (О. Э. Лейст, В. М. Баранов, В. К. Бабаева и др.) склонны рассматривать юридическую ответственность исключительно как ретроспективную, поскольку она в этом аспекте носит характер конкретности: имеет нормативное основание, документально закреплена, предполагает институциональную выраженность ответствующих субъектов, пострадавших субъектов и субъектов нормирования. Это важнейшее положение иллюстрирует сформулированный ранее тезис, что при политизации субъектов исторической ответственности последняя совершает экспансию из области чистой этики в область права, где с ростом уровня организованности субъекта становится более «уместной»: естественные отношения морального долга заменяются отношениями внешнего предписания наказания.

¹ Благодарим за идею Д. А. Томильцеву. Этот вопрос рассматривается в ее статье «Историческая и политическая ответственность: совпадение границ проблемного поля», которая на момент подготовки данной статьи (ноябрь 2016) ожидает публикации в журнале «Полития».

Попробуем проиллюстрировать все сказанное, обратившись к анализу ситуации с компенсациями жертвам Холокоста. Если уголовная ответственность в форме определенного судом наказания наступала в ходе Нюрнбергского процесса в 1945–1946 гг. большинство виновных – организаторов нацистской деятельности, то ситуация с «народной» ответственностью, с готовностью общественности отвечать за случившуюся трагедию значительно сложнее и полностью не разрешена до сих пор. Представление о существовании коллективного морального и материального обязательств начало формироваться вскоре после поражения нацистского режима. А. Т. Марутян, описывая историю возникновения выплат, отмечает, что в послевоенный период многие евреи не желали контактировать с немцами, хотя вопрос выплат поднимался еще в 1945 г. Несмотря на возникновение ряда представительских организаций еще в конце 1940-х гг. (Еврейская организация по проведению реституции (The Jewish Restitution Successor Organisation или JRSO) в американской зоне и Еврейская доверительная корпорация (Jewish Trust Corporation, или JTC) в британской и французской зонах, Совет по защите прав и интересов немецких евреев (Der Ratzum Schutzder Rechte und Interessenvon Judenaus Deutschland)), которыми выдвигались соответствующие законодательные инициативы, разрабатывались критерии выплат и пр., существовало множество трудностей и разночтений в вопросах компенсаций. Так, уже после образования ФРГ серьезные правовые различия между оккупационными зонами в вопросах реституции и компенсации некоторое время оставались в силе [7]. Позиция ответствующих также была неоднозначной, например в 1950 г. Юридический комитет союза немецких промышленников выдвигал предложения по ограничению реституции еврейской собственности [8]. Однако 27 сентября 1951 г. канцлер ФРГ К. Аденауэр в Бундестаге заявил о готовности его правительства обсуждать и урегулировать с представителями еврейских кругов и государством Израиль вопросы материальной ответственности за преступления против евреев, которые от имени немецкого народа совершил Третий Рейх. В результате была учреждена международная организация – Конференция по материальным претензиям евреев к Германии (The Conference on Jewish Material Claims against Germany, Inc., или Claims Conference), предъявившая финансовые требования для поддержки пострадавших евреев по всему миру. После долгих переговоров требование по переводу конкретных сумм было озвучено также и израильской стороной. Речь шла о возмещении расходов, которые вычислялись исходя из затрат, связанных с переселением в Израиль полутора миллионов спасшихся от нацистских преследований евреев: «Размер упомянутой суммы был установлен из того расчета, что деятельность, направленная на полноценную интеграцию (абсорбцию) одного иммигранта, стоит \$ 3000. Было также подсчитано, что нацистами была разграблена еврейская собственность стоимостью \$ 6 млрд, в то же время подчеркивалось, что *немцы никогда не смогут в материальном отношении возместить те свои поступки, жертвами которых стали миллионы евреев*» [7]. Далее А. Т. Марутян также отмечает: «Западная Германия ...в переговорах по компенсациям, подлежащим выплате, видела важнейший шаг по преодолению нацистского прошлого и намеревалась таким образом хотя бы частично искупить вину немецкого народа. Согласно подписанному между сторонами соглашению, суммы выплачивались Израилю в качестве компенсации за подневольный труд евреев в годы Холокоста и примененное в их отношении *насилие и преследования*, а также за еврейское имущество, разграбленное и уничто-

женное нацистами. В то же время в Израиле и других странах сама возможность каких-либо переговоров с немцами ...вызвала большую волну протеста. Они видели в этом *оскорбление памяти жертв нацистского геноцида и содействие реабилитации убийц*» [7]. Как далее показывает автор, ситуацию переломил премьер-министр Израиля Д. Бен-Гурион, по мнению которого преступников нужно было наказать. Он добавил, что «... речь идет о компенсации стоимости разграбленного еврейского имущества, а никак не о “деньгах, выплачиваемых за кровь”, и что “материальные требования вовсе не относятся к историко-нравственным вопросам, которые навсегда останутся невозмещенными”» [7]. Без компенсации еврейским жертвам было бы невозможно говорить и о компенсациях остальным жертвам нацизма, в первую очередь самим немцам [8], поэтому в результате длительного процесса обсуждений в 1953 г. ФРГ был принят Федеральный закон о компенсации, который затрагивал лиц, пострадавших от нацизма. Документ учитывал не только непосредственные материальные потери людей, но и потерю близких, моральный вред, ущерб физическому состоянию и здоровью, лишение свободы, утрату собственности, потери капитала, потери от дискриминационного налогообложения, принудительное прерывание профессиональной карьеры, неполучение выплат по страховым полисам [9].

Таким образом, видно, что на этом этапе для ответствующих моральная составляющая ответственности сопряжена с финансовой и имеет огромное значение. Принятие ответственности служит как раз реконструкции отношений с сообществом пострадавших. Хотя для принимающей стороны, которая на начальных этапах не была политизирована в полной мере (субъекты-получатели не могли выработать единой позиции по вопросу), моральная и финансовая ответственность строго разделены: моральная составляющая также важнее финансовой, речь идет о вечном долге, о не исчерпаемой выплатами и наказаниями ответственности. Финансовые же выплаты – это только возвращение отчужденных средств, обогащение за счет оплат морального ущерба в общественной риторике не рассматривается. Таким образом, на этом этапе речь пока идет об отношениях, сохраняющих черты нерыночной экономики, хотя база для развития рыночной составляющей уже хорошо просматривается.

Приведем также фрагмент репортажа из современного интернет-издания «Еврейский мир» о принятии решения по выдаче дополнительных компенсаций «детям Холокоста»: «Грег Шнайдер, исполнительный вице-президент Claims Conference, базирующейся в Нью-Йорке, заявил: “Речь идет не о деньгах, а о том, что Германия, наконец, признала все ужасы страданий, выпавших на долю жертв Холокоста, бывших в то время детьми... Очень трудно измерить и оценить в денежном эквиваленте ад гетто и концлагерей или страха быть узанным и казненным. Мы неоднократно подчеркивали это правительству Германии”, – сказал председатель Claims Conference Джулиус Берман. ...“Мы продолжим требовать большей либерализации, чтобы никто из оставшихся в живых жертв Холокоста *не остался без признания пережитого, а значит и получения компенсации*”, – заявил Стюарт Эйзенштат, специальный посредник от Claims Conference корреспонденту AP» [10]. Этот фрагмент дает почувствовать, что, несмотря на сохраняющуюся позицию еврейского сообщества, касающуюся принципиальной невозможности возмещения страданий деньгами, современные установки отражают важнейшую тенденцию – необходимость платить не только за отчужденные ценности, но и за причиненные страдания. Выплаты, имеющие юридический статус, рассматриваются именно как измеримое наказание сообщества обидчиков, как неременное следствие правонаруше-

ния. Плата теперь не просто возвращение долга (отчужденных ранее средств), но обязательное подтверждение признания вины перед конкретным кругом лиц, что дает эффект сопряжения этической и финансовой сферы ответственности. Таким образом, прогрессирующая политизация субъектов ответственности, ясное выражение их воли обуславливает появления особых критериев, четких схем экономического действия, функционирующих на финансово-юридических основаниях, причем можно говорить о современном, рыночном варианте их выстраивания. Рассмотрим наиболее заметные рыночные особенности отношений исторической ответственности также на примере ситуации с Холокостом.

Во-первых, можно констатировать использование инвестиционного потенциала осуществляемых компенсационных выплат. Так, по словам парламентского госсекретаря при федеральном министре финансов Карда Дилера (Берлин, 9 марта 2000 г., дело № VB2 – O 1266 В – 7/00), сложно точно оценить размеры германских репараций [11]. Однако в прессе упоминаются косвенные данные (иногда со ссылкой на министерство финансов) о приблизительных суммах выплат в виде крупных государственных траншей (табл. 1), выплачиваемых на основании соответствующих нормативных актов за счет федерального бюджета (т. е. за счет сегодняшних налогоплательщиков), а так же в виде солидных частных выплат от предприятий (табл. 2) [12]. Частные выплаты – инициатива ответствующих – это компенсация принудительного труда в период войны и вреда от поставок, осуществленных этими предприятиями для рейха (печатное издание Бундестага 11/6286 по состоянию на 31.12.97).

Таблица 1

Вид выплаты	Сумма, млрд ДМ
Государственные	
Общий закон о последствиях войны (Выплаты лицам, пострадавшим от Рейха)	3,80
Закон о возмещении ущерба военнопленным	2,80
Закон о помощи заключенным	2,70
Обеспечение жертв войны (Федеральный закон об обеспечении, включая все сторонние законы)	405,70
Обеспечение по Закону «Об урегулировании открытых имущественных вопросов» и Закону «О возмещении ущерба и возвращении (без дотаций) изгнанным из Восточных провинций»	0,44
Закон «О дотациях изгнанным»	2,10
Федеральный Закон «Об изгнанных»	0,90
Всего:	418,44

Таблица 2

Корпорация	Сумма, млн ДМ
Частные	
ИГ Фарбениндустри	27,0
Крупп	10,0
АЕГ	4,0
Симменс	7,0
Рейнметалл	2,5
АО Фельдмюле Нобель (как правовая наследница фирмы Фридрих Флик Индустри-фервальтунг)	5,0
АО Даймлер-Бенц	20,0
Всего:	75,5

Как государство, так и корпорации не только отдают моральный долг признания и соответствующие материальные компенсации, но активно используют риторику продолжения межнациональных трансакций, фактически инвестируя в свой образ гибкого и ответ-

ственного субъекта социальных отношений. Так, историческая ответственность становится частью маркетинговой стратегии этих предприятий. Проиллюстрируем. Как отмечает А. П. Иванов, именно опасение падения престижа и угроза глобальным интересом немецких фирм (боязнь торговых бойкотов на рынке США, снижение инвестиций) подтолкнули предприятия к выплатам [13, с. 727]. Сегодня на фоне угрозы со стороны конкурентов из Китая [14] западные автомобильные корпорации ведут себя неодинаково. Обратим внимание на маркетинговые стратегии «Опель» (бессменный владелец – «Дженерал Моторс», США) и «Мерседес» («Даймлер-Бенц», Германия, который слился с американской компанией «Крайслер»). Первая избрала стратегию «собаки» (по версии BCG matrix (Boston-ConsultingGroup)) [15], что предполагает минимум инвестиций в инновации и маркетинг, и как результат – сегодня имеет довольно слабые позиции на рынке седанов [16]. Что интересно, заводы «Опель» в Германии использовали подневольный труд евреев и на всем протяжении второй мировой войны изготавливали танки для нацистских армий, однако никаких выплат пострадавшим они не осуществляют, хотя еще с 1990-х гг. на эту тему начались оживленные общественные дискуссии. Производители «Мерседес» действуют иначе: они признали вину за использование принудительного труда еврейских рабочих и приобрели известность как те, кто готов к выплатам жертвам нацистского режима. Организация ведет активные научно-исследовательские разработки в сфере производства, а также маркетинговые исследования, удерживая свою нишу на рынке. Отметим, что «Даймлер-Крайслер» (так же как «Сименс», «Фольксваген», «БМВ» и др.) в том числе и через репарации внедряет образ надежного, социально ориентированного партнера. Формирование образа для корпорации есть залог ее будущей профитности.

Во-вторых, наблюдается индексация выплат, исходя из общих экономических показателей в стране проживания жертв, как часть маркетинговой стратегии государства. Известно, что проблема несимметричности размеров компенсаций стояла остро на протяжении всей истории выплат со стороны Германии [13, с. 738]. Сегодня, особенно в условиях, когда жертвы Холокоста проживают по всему миру, расчеты должны учитывать, что люди, пережившие страдания, теперь должны получить высокую степень удовлетворения материальных и социальных потребностей (не ниже среднего по стране проживания). Такое положение дел обуславливает разницу сумм, выплачиваемых пострадавшим гражданам, проживающим в разных странах с разным уровнем развития экономики и качеством жизни.

Индекс качества жизни (англ. – *quality of life*, сокр. *QOL*, нем. – *Lebens qualitat*, сокр. *LQ*) категория, с помощью которой характеризуют существенные обстоятельства жизни населения территории, определяющие степень достоинства и свободы личности каждого человека (доходы и их дифференциация, качество удовлетворения первичных потребностей в питании, одежде, жилище, качество социальной сферы: здравоохранения, социальных услуг, образования, культуры, сферы обслуживания, качество окружающей среды, структура досуга, безопасность). Наиболее часто применяют следующие знаковые индексы: жилищные условия 4,5 пп в Израиле против 7,9 пп в США; доход: Израиль 3,5, что почти втрое ниже, чем в США – 10,0; индекс по образованию в Израиле 5,6, в США на 2 пп выше – 7,0; индекс занятости в Израиле превышает средний уровень (6,6) и составляет 7,3, а в США 8,4 пп [17]. Из этого явно, что довольно высокое качество жизни в Израиле все же несколько уступает показателям США. Вследствие этого обеспечение равного качества жизни в этих странах требует для проживания в Штатах больших вложений.

Сегодня эти показатели значительно разнятся между странами, потому активное население стремится проживать в территориях с более высоким качеством жизни [18, с. 37]. Следовательно, повышая качество жизни вновь приехавшим в страну, правительство тем самым провоцирует все большие входящие миграционные потоки как категорий граждан, получающих репарационные выплаты, так и членов их семей. Одновременно руководство принимающих стран привлекает таким образом именно активных граждан, способных вносить вклад в экономику страны, что есть упомянутая в первом пункте инвестиция в будущее, согласно В. Зомбарту [19].

Значимость категории качества жизни заключается в способности, конкретно задаваемой для данной личности или общности нормы выступать формой представления и обеспечения достоинства и свободы людей. Задаваемые как неперенные, должные характеристики качества жизни для конкретной личности или общности определяют для них желаемый образ будущего и носят проектный характер, что и позволяет использовать устанавливаемые нормативы в качестве универсального управленческого инструмента. К примеру, в вопросе исторической ответственности это открывает возможность формировать и управлять образом инвестора – тем, положителен он или нет для аудитории. Сегодня главной целью становится реализация принципа социальной направленности рынка через повышение уровня и качества жизни населения [20], а значит улучшение образа и имиджа страны (корпорации) становится частью стратегического маркетинга с применением перколяционных моделей.

В-третьих, срабатывает презумпция поддержки слабого экономического субъекта. Правительство должно создавать условия для эффективного развития экономики и конкуренции, что невозможно без защиты субъектов, которые из-за определенных объективных причин оказываются в невыгодном положении по сравнению с контрагентом. В этом плане значимыми являются проблемы: кто является слабой стороной, какими способами и в каких правоотношениях ее нужно защищать. Слабой стороной в обязательстве является та, которая имеет меньше возможностей (ресурсного, экономического, организационного и иного характера) для реализации своего права, а также обладает меньшим набором ресурсов для осуществления и защиты своих субъективных прав в сравнении с контрагентом [21]. То есть сильная сторона – это та, которая имеет возможность навязывать свои условия другим сторонам, создавать для себя какие-либо преимущества и т. п. Это может быть, например, государство, организация, обладающая доминирующим положением на рынке [22]. В этих условиях бремя выплат непременно оказывается на крупном субъекте – государстве и организациях в нем, в то время как пострадавший расценивается как слабый субъект и должен получить поддержку, невзирая на характер обстоятельств, в которых он пребывает, не важно благоприятны они или нет.

В-четвертых, оценка ущерба исходя из реальных индексированных финансовых потерь. Как было отмечено ранее, уже на ранних стадиях реализации отношений, касающихся выплат, их сумма определялась из расчета затрат на полноценную интеграцию одного иммигранта, стоимости еврейской собственности, а также принято говорить об учете дивидендов, полученных от содержания еврейских денег в банках Швейцарии.

Пятая особенность – появление почвы для совершения финансовых преступлений как следствие высокой развитости и стандартизации механизмов выплат. Следует признать, что масштабные выплаты жертвам Холокоста приводят к не менее масштабным размерам мо-

шенничества. Приведем примеры наиболее крупных хищений: 1) городской суд Тель-Авива признал адвоката Исраэля Перри виновным в мошенничестве при отягчающих обстоятельствах: он присвоил себе 320 млн немецких марок, принадлежавших Ассоциации по оказанию помощи выжившим в Холокосте (AISSC), 2) бывший сотрудник Jewish Telegraphic Agency Семен Домницер (Semen Domnitser) был признан виновным в мошенничестве на 57 млн долларов в 2001 г., 3) в 2010 г. 17 жителей Нью-Йорка обвинены в краже 42,5 млн долларов, предназначенных для жертв Холокоста, 4) Из денег, выдаваемых Германией в качестве репарации за нацистские преследования, украдены миллионы долларов за счет того, что 5500 человек получили деньги по фальшивым заявлениям, в которых умышленно были изменены год или место рождения и биографические данные. Шесть сотрудников организации Claims Conference, ответственной за репарацию, покрывали этот обман, а в ряде случаев выступали его инициаторами. Остальные обвиняемые работали в различных адвокатских фирмах либо сотрудничали с ними в качестве посредников. Часть незаконно полученных заявителями денег они брали «за услуги». Так продолжалось много лет, вероятно с 1980 г. [23].

Современная теория экономических отношений все чаще (особенно после рецессии 2008–2009 гг.) возвращается к работам Кейнса. В разрезе проблематики исторической ответственности интересны этические взгляды Кейнса, которые «корреспондируют с развивающейся ныне «этикой ответственности». Один из важных, с точки зрения Кейнса, пороков рынка – невротическая склонность людей к умножению «абстрактного (денежного) богатства». Показано, что она уродует не только психику и сознание людей, но и меняет вектор развития рыночной экономики в направлении «спекулятивного капитализма», создающего «угрозу цивилизации созидания» [23, с. 181]. Статья Кейнса «Мои ранние верования» о своих студенческих идейных пристрастиях к взглядам Мура предостерегает общество от паразитарного использования идей добра. Кейнсу импонировало, что Мур различал «добро как таковое» и «добро как средство».

Кстати, Кейнс выступал против репараций после Первой мировой войны, предрекая, что закабаление Германии, высокий уровень послевоенных репараций могут привести (и, как известно, привели) к возрождению в куда более серьезных масштабах, чем прежде, германского милитаризма и реваншистских настроений в обществе. Открытым остается вопрос, к чему приведет концентрация внимания на финансовой стороне исторической ответственности в условиях современной сложной экономической ситуации и пересмотра норм международного права. Не приведет ли это, как прогнозировал Кейнс, к очередному накалу отношений?

Примечательно, что именно современная рыночная обусловленность исторической ответственности становится чуть ли не одним из базовых оснований для сторонников отрицания Холокоста. Многие «отрицатели» апеллируют именно к тому, что коммерческая выгода становится центральной задачей в вопросе установления исторической ответственности. Коммерциализация постулируется и среди относительно нейтральных исследователей, которые не отрицают Холокост. Ярким примером может служить работа Н. Финкельштейна «Индустрия Холокоста: размышления на тему эксплуатации еврейских страданий» (англ. «*The Holocaust Industry: Reflections on the Exploitation of Jewish Suffering*»).

И все же хочется отметить, что, несмотря на этическую сложность переговоров по вопросам выплат за перенесенные страдания, несмотря на некоторый цинизм сторон в отношении финансовых и моральных обязательств и, в конечном счете, на неоднозначность

самого стремления получать выгоду от реализации отношений исторической ответственности, следует констатировать огромное значение готовности сторон признавать вину и нести ответственность в форме согласия адекватно оценить и оплатить реально причиненный материальный и моральный ущерб. Авторы считают, что рыночная логика экономии исторической ответственности – естественное явление. Такая логика сегодня конституирует многие аспекты человеческой жизни. Ответствующая сторона, включающая в себя разные поколения (в том числе и не принимавшие участия в нанесении вреда, но ощущающие моральное и финансовое бремя принятия ответственности), также вынуждена находить источники сохранения финансовой стабильности в условиях рыночного общества пусть и в таких этически болезненных аспектах человеческого события. Думается, что именно экономико-правовое усиление отношений исторической ответственности позволяет ее субъектам яснее и активнее репрезентировать себя в общественном пространстве, умножает и делает практики признания вины и компенсации заметными, что позволяет эффективно реконструировать настоящее социума с учетом его сложного прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Самохоткин А. Жалость на пути к свободе. Преодоление ресентимента (интернет-журнал «Михаил Гефтер». 2016. Май). URL: <http://gefeter.ru/archive/18613> (дата обращения: 10.11.2016).
2. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1956. 823 с.
3. Ямпольская А. В. Прощение между даром и обменом: антипелагианская полемика Августина в контексте философии XX века // Артикульт. 2012. № 7(3). С. 1–18.
4. Derrida J. Foi et savoir, suivi par Le siècle et le pardon. Paris: Seuil, 2000. 133 p.
5. Мосс М. Общества. Обмен. Личность: труды по социальной антропологии / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: КДУ, 2011. 416 с.
6. Кязимов Т. Л. О. Экономическая сущность и правовая природа материальной ответственности в системе других разновидностей (видов) юридической ответственности // Проблемы в российском законодательстве. 2009. № 1. С. 98–102.
7. Марутян А. Т. Финансовые компенсации Германии Еврейству: формирование, процесс, нынешняя ситуация. Фонд «Нораванк». 2008. Июнь. URL: http://www.noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID=2775 (дата обращения: 10.11.2016).
8. Полян П. М. Компенсации жертвам Холокоста. URL: http://holocaustonline.de/doc_ru/05doc.html (дата обращения: 10.11.2016).
9. BEG – general information. Landesamt für Finanzen, Amt für Wiedergutmachung in Saarburg. URL: <https://afw.lff-rlp.de/en/federal-german-compensation-law/general-information/index.html> (дата обращения: 10.11.2016).
10. Голд М. Компенсации жертвам Холокоста // Еврейский мир. Газ. русскоязычной Америки. 2011. Август. URL: <http://evreimir.com/71136/zhertvy-holokosta-poluchat-kompensatsii/> (дата обращения: 10.11.2016).
11. Скоробогатый К. Исторический долг Германии не оплачен // Воен. обозр.: электрон. газ. 2015. Май. URL: <https://topwar.ru/75236-istoricheskij-dolg-germanii-ne-oplachen.html> (дата обращения: 10.11.2016).
12. Германские репарации: миллиарды без всякого учета // Переводика. URL: <http://pervodika.ru/articles/8856.html> (дата обращения: 10.11.2016).
13. Иванов А. П. Трудный путь к взаимопониманию и примирению (из истории иностранных компенсационных выплат российским гражданам – жертвам нацистского режима) // Lex Russica. 2010. Т. LXIX, № 4. С. 718–749.

14. Strategic management insight. URL: <https://www.strategicmanagementinsight.com/swot-analyses.html> (дата обращения: 01.11.2016).

15. Стратегические решения в менеджменте: преимущества и недостатки матрицы Бостонской консультативной группы (БКГ) / А. П. Винокурова, А. Б. Жексенбаева, С. А. Клепандина и др. // Экон. и управ. в XXI в.: тенденции развития. 2014. № 14. С. 33–36.

16. General Motors. URL: <https://www.gm.com/investors/corporate-strategy.html#/> (дата обращения: 03.11.2016).

17. Оболенская А. Г. Экономическая свобода и госрегулирование уровня жизни // VII Всерос. симп. по экон. теор.: тр. Екатеринбург, 2016. С. 35–39.

18. Better life index. URL: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/countries/israel-ru/> (дата обращения: 05.11.2016).

19. Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. М.: Айрис-пресс, 2004. 624 с.

20. Трунин С. Н. Экономика труда: учеб. М.: Экономика, 2009. 496 с.

21. Вавилин Е. В. Осуществление гражданских прав и исполнение обязанностей. Саратов: СГАП, 2008. 239 с.

22. Волос А. А. Некоторые вопросы защиты слабой стороны в гражданском правоотношении по проекту изменений Гражданского кодекса Российской Федерации // Актуальные проблемы права: материалы II Междунар. науч. конф., Москва, окт. 2013 г. М.: Буки-Веди, 2013. С. 27–32.

23. Ивашковский С. Н. Дж. М. Кейнс и его экономическая теория: этический ракурс // Вестн. МГИМО. 2016. № 3. С. 172–187.

24. Сиротинин А. Мошенничество с компенсациями жертвам Холокоста // Чайка: электрон. газ. 2010. № 23 (178). URL: <https://www.chayka.org/node/3056> (дата обращения: 10.11.2016).

I. A. Simonova, A. G. Obolenskaya
Ural State Pedagogical University

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF ECONOMY IN HISTORICAL RESPONSIBILITY: FROM A CONFESSION OF GUILT TO THE MARKET

The purpose of this study is socio-philosophical analysis of the phenomenon of historical responsibility as a dynamic social relation which always has economical essence. Based on the ideas of J. Derrida and M. Moss found that since responsibility always involves admission of guilt and commitment expected by the victim, this attitude is not purely ethical, it initially has an economic nature. At the level when subjects of responsibility has not enough taken shape, that is, they still have no unity of will and the legal status the economy is based on ethical grounds, guilty plea is accepted as an independent and the most important value, the financial aspect is not the leading value and is considered as reparation of damages. During politicization of historical responsibility of subjects, it becomes valid and starts to work according to the market laws. Such market characteristics as the use of investment potential of entitlement payments, orientation towards marketing strategy of the state, presumption of weak economic agent support, damage assessment based on actual index of financial losses, existence of grounds for financial crimes (sky blue laws) are determined. The question is put about pertinence of the market approach to historical responsibility.

Historical responsibility, economies of responsibility, philosophy of economy, historic guilt, historical debt, quality of life, Holocaust survivors

---